

УДК 811.512.142'367.627

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ЗАГАДКАХ

Мусуков Б.А., Магрелова Ф.А.

*ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»,
Нальчик, e-mail: kbigi@mail.ru*

Статья посвящена исследованию вариантных особенностей карачаево-балкарских загадок, в противоположных компонентах которых в виде противопоставления употребляются количественные, порядковые, собирательные, разделительные и неопределенно-количественные числительные. В ней рассматривается функционирование различных разрядов числительных в загадках с учетом их лексико-семантических, словообразовательных, синтаксических, грамматических особенностей. В работе исследуются случаи образования усилительных конструкций с помощью моделей трансформационного повтора; обращается внимание на транспозиционные функции аффиксальных морфем, участвующих в образовании собирательных, разделительных, порядковых, неопределенно-количественных числительных, зафиксированных в загадках, от количественных числительных; анализируются структурно-семантические признаки числительных, употребляющихся для обозначения количества или порядка однородных предметов при их счете. В статье отмечается, что порядковые числительные, так же, как и прилагательные, употребляются в качестве определения существительных, согласуясь с ними в числе и падеже; морфологические особенности количественных числительных как количественных модификаторов, тесно связанных с лексико-семантической структурой загадок.

Ключевые слова: трансформированное описание, базисная загадка, количественное числительное, порядковое числительное, собирательное числительное, разделительное числительное, неопределенно-количественное числительное, интервокальная позиция

LEXICAL-SEMANTIC, MORPHOLOGICAL, WORD FORMATION, SYNTACTIC FEATURES OF NUMERALS IN KARACHAY-BALKAR RIDDLES

Musukov B.A., Magrelova F.A.

*Federal State Budget Scientific Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies»,
Nalchik, e-mail: kbigi@mail.ru*

The article investigates the variant features of Karachay-Balkar riddles, in opposite components of which cardinal, ordinal, collective, distributive, indefinite, numbers are used in the form of opposition. The functioning of the various class of numerals in riddles, according to their lexical-semantic, word formation, syntactic and grammatical features are examined in the article. The cases of constructions formation intensifying, with a help of transformational repeat models are investigated in this article. Attention is paid to the transposition functions of affixed morphemes, involved in the formation of the collective, distributive, ordinal, indefinite numerals, fixed in the riddles. The structural and semantic features of numerals, which are used to define the quantity or order of similar items at their counting is analyzed through the cardinal numbers. The ordinal numbers, as well as adjectives which are used as a noun identifiers, agreeing with them in number and case; morphological features of cardinal numbers as numerical modifiers closely related to the lexical-semantic structure of riddles are noted in the article.

Keywords: transformed description, basic riddle, cardinal numeral, ordinal numeral, collective numeral, distributive numeral, indefinite numeral, intervocalic position

Карачаево-балкарские загадки составляют важную область познавательной практики и относятся к так называемым малым фольклорным жанрам, где наблюдается связь текста с игрой, содержится иносказательный образ, указывающий на признаки и свойства, а также количественные, порядковые, неопределенно-количественные, собирательные и другие особенности загадываемых предметов.

Ю.И. Левин отмечает, что «...загадка представляет собой неполное и/или искаженное (трансформированное, метафорическое) описание загаданного объекта» [5, 284].

Характеризуя загадки как малый эпический жанр, В.Е. Гусев называет их «...простейшими повествовательными формула-

ми, типизирующими явления объективной действительности или обобщающими объективный исторический, социальный, житейский опыт народных масс» [3, 113].

Актуальность и выбор темы, связанной с профессионально-лингвистическим исследованием употребления различных разрядов числительных в загадках обусловлены тем, что язык фольклорных жанров сильно стилизован и знакомство с карачаево-балкарской этнографией поможет свести до минимума, а может быть, и совсем устранить проблемы культурного контекста. Следует отметить, что в изучении фольклорных загадок важными являются как устойчивость, так и вариативность. Если в отдельных языках некоторые авторы произвольно

выбирают какой-либо вариант в качестве «истинного», то в карачаево-балкарском в этом качестве рассматриваются все варианты. Для того чтобы наиболее целостно представить структуру загадок, нужно исследовать различные варианты одной или нескольких «базисных» загадок. Изучение трансформации какой-либо «базисной» загадки способствует раскрытию их глубинных механизмов структурирования.

Карачаево-балкарские загадки, в которых употребляются различные разряды числительных, в структурном отношении состоят из разного количества компонентов, содержащих как основное значение разгадывания, так и лексико-семантические оттенки.

Универсальной особенностью отраслевых разрядов загадок является то, что в них функционирует бинарная оппозиция, т.е. числительное, находящееся в одной части, противопоставляется числительному, находящемуся в другой части.

В целом загадки с числительными легко поддаются переводу на русский (или другой) язык, но некоторые из них переводятся с трудом. Их особенностью является то, что имена числительные употребляются попарно, способствуя целому раскрытию загаданного значения, несмотря на то, что они расположены в противоположных ее частях.

В карачаево-балкарском языке встречаются варианты тематические загадки, в которых употребляются числительные либо в именительном падеже, либо в форме косвенных падежей, например *Эки кьарнаш бир жолну эки жанына жашайдыла, ёмюрлери кьарап, бир бирлерин кёрмейдиле (Кёзле) «Два брата живут по обе стороны одной дороги, столетьями смотрят, друг друга не видят (Глаза)»; Айланган эки атым, эслетген эки затым (Аякьла бла кёзле) «Ведущие две лошади, замечаящие две вещи (Ноги и глаза)». Словосочетание *бир бирлерин «друг друга», «один другого»* является редулицирующей конструкцией, образованной по модели полной редуликации в результате трансформационного повтора редулицируемого компонента.*

Загадки, в которых при создании поэтических образов широко используется числовой код, передают реальные данные предметного мира, заключают в себе особый смысл, передают образность мышления того или иного поколения карачаевцев и балкарцев. В них подвергается анализу не только образная (описательная) часть загадки без отрыва от ответа на нее, но и сам ответ. В этом отношении важными являются взаимоотношения между обеими частями

загадки – ее образной частью и отгадкой. Если рассматривать данное положение относительно числительных, то такие загадки состоят из двух частей, в которых числительные идут в виде перечисления, однородных членов предложения: *Эки бичагъы, бир къучагъы (Къыпты) «Два ножа, один обхват (Ножницы)»*, иногда в виде противопоставления: *Бир атсам – он алама, он атсам – минг алама (Урлукъ) «Брошу один – получаю десять, брошу десять – получаю тысячу (Семена)»*.

Между компонентами загадки, т.е. собственно загадкой или отгадкой, существует тесная связь, так же, как и между вариантными отгадками одной и той же загадки, выражающаяся в том, что отгадка участвует даже в организации стилистических черт с помощью числительных, характеризующих описательную часть загадки. В компонентном отношении загадка, являясь одним из немногих «взаимных» жанров, как структурная единица, состоит из двух частей – образной части и отгадки. По структурно-семантическим признакам числительные в карачаево-балкарском языке делятся на первичные и производные. Наблюдения показывают, что в карачаево-балкарских загадках встречается числовой код двух разновидностей: количественные имена числительные, содержащие отгадку, указывая точное количество предметов или их частей; и порядковые имена числительные, употребляющиеся для обозначения порядка однородных предметов при их счете: *алтынчы бармакьчыгъым «шестой пальчик», Биринчиси кьуяды, экинчиси жутады, ючюнчюсю чыгъады, тёртюнчюсю жыяды (Жауун, жер, кырдык, адам) «Первый поливает, второй поглощает, третий прорастает, четвертый собирает (Дождь, земля, трава, человек)»*. Порядковые числительные, так же, как и прилагательные, употребляются в качестве определения существительных, согласуясь с ними в числе и падеже. Между порядковыми числительными и количественными существует тесная словообразовательная и семантическая связь: *алты «шесть» – алтынчы «шестой», бир «один» – биринчи «первый»*.

К числу морфологических особенностей количественных числительных, употребляемых в загадках как количественные модификаторы, является то, что они в первую очередь тесно связаны с их лексическим значением. Количественным числительным не свойственна категория числа, так как они сами лексически обозначают значение числа. Отсутствием категории числа количественные числительные морфологически отличаются от имен существительных.

Числительные *бир* «один», *эки* «два», *юч* «три» и др. в системе исчисления являются уникальными обозначениями соответствующих чисел, заменяются в письменной речи графически равнозначными цифрами (*бир* адам – 1 адам «один человек»); входят в составные числительные как равноправные члены (*бир* миллион бла *бир* минг сом «один миллион тысяча рублей»); вне сочетания с существительными выступают названиями отвлеченных чисел, употребляются с соответствующими порядковыми числительными (*бир* – *биринчи* «один – первый», *эки* – *экинчи* «два – второй» и т.д.); не могут определяться качественными прилагательными, но сами выступают как количественные определители в сочетании с существительным, обозначающим единичные предметы (*бир* сом «один рубль», он сом «десять рублей» и т.д.).

Рассматривая взаимосвязи между обеими частями загадки – ее образной частью и отгадкой, как устойчивыми и кодированными, следует отметить, что образная часть ее, в которой употребляются и различные разряды числительных, есть вопрос, который уже содержит в себе ответ. Это относится ко всем загадкам и в особенности к тем, ответ которых буквально просматривается в описании (замаскированном игрой слов).

Особенностью загадок является то, что в них наблюдаются и синтаксические трансформации. Несмотря на то, что вопросительные фразы переводятся в утвердительные, мы не трансформируем загадку, т.к. образная ее часть всегда остается вопросом, независимо от того, выступает ли соответствующая конструкция вопросительной с синтаксической точки зрения.

Наиболее часто количественные числительные встречаются в карачаево-балкарских загадках, обозначающих дни недели, понятия недели, месяца, года, дня и ночи. Наименьшей величиной времени у карачаевцев и балкарцев, как и у древних тюрков, было слово *күн* «день» в различных фонетических вариантах. Ср., *Бир* терегим барды да: аны *тёрт айрысы барды, хар айрыны юч бутагы барды, хар бутакны отуз чапрагы барды, хар чапракны: бир жаны – къара, бир жаны – акъ* (*Жыл, чакъла, айла, кюнле, кече, кюн*) «Есть у меня одно дерево, у него есть четыре разветвления, у каждого ветви есть тридцать листов, у каждого листа одна сторона черная, другая – белая (*Год, периоды, месяцы, дни, ночь, день*)».

С помощью количественных числительных в карачаево-балкарских загадках «шифруются» как составные части дено-

тата, так и сам денотат, или определенные культурные понятия, например: *Бир къаада минг тешик, тешиги сайын бир уя* (*Къаууз*) «В одной горе тысяча дыр, в каждой дыре по гнезду (*Воск*)». Имена числительные в загадках несут в себе информацию как о реальной картине мира карачаевцев и балкарцев, так и о мифологической, народных традициях в национальной культуре.

Некоторые имена числительные в карачаево-балкарских загадках, употребляясь с другими числительными в форме исходного падежа, лексикализуясь, теряют категориальную принадлежность к имени числительному и выступают в позиции обстоятельства образа действия, например, *Экеу бирден ушук атар* (*Ийнек сауъан*) «Вдвоем стреляют одновременно (*Человек, доящий корову*)».

Употребление количественного числительного в функции обстоятельства образа действия следует рассматривать как разновидность синтаксической трансформации, в которой образная часть остается неизменной. Количественное числительное бир «один», употребляясь в исходном падеже, приобретает категориальные особенности другой части речи – наречия, и выступает в предложении в синтаксической позиции обстоятельства образа действия: *Экеу бирден ушук атар* (*Ийнек сауъан*) «Вдвоем стреляют одновременно (*Человек, доящий корову*)». Числительное бирден может иметь в данной загадке и другое значение – значение обстоятельства времени «одновременно», т.е. здесь можно отметить несколько другой перевод загадки: Двое стреляют одновременно.

Количественное числительное в загадках в определительной функции предшествует определяемому, определяемое же при этом выступает в форме единственного числа и составляет словосочетание: *Бир аузу, тёрт азау* (*Темир сенек*) «Одно дуло, четыре зубья (*Вилы*)».

С точки зрения функциональной классификации загадки, в которых зафиксированы имена числительные, различаются интеллектуальные и информативные.

Элли Кёнгэс-Маранда отмечает, что «структурный подход к изучению загадок представляется более плодотворным, чем функциональный. ...У загадок, как у всех знаков, есть означающее – ядро загадки – и означаемое – ответ на загадку» [8, 256].

Структура карачаево-балкарской загадки может иметь разную степень сложности: есть загадки простые, сложные и цепные. Простые загадки одночленны и заключают в себе одну истинную посылку, одну ложную посылку и один ответ. В простых

загадках наиболее употребительным является количественное числительное первого десятка **бир** «один», своеобразно выражающее идею числа в ее различных аспектах с учетом семантической характеристики числительного как особой языковой формы, выступающее количественным определителем к существительному, в то время как прилагательное квалифицируется его качественным модификатором.

К числу словообразовательных особенностей числительного **бир** «один», употребляемого в загадках, относится то, что к нему присоединяется аффикс собирательных числительных **-еу** и образует неопределенное местоимение **биреу** со значением «кто-то, некто», например, **Биреу атар, биреу жутар, жутхан ёлор, атхан кюлор** (Бёрю от) «Кто-то бросит, кто-то проглотит, проглотивший умрет, бросивший посмеется (Отравя)». Известно, что числительное **бир** «один» с помощью аффикса **-еу** может образовать и другую основу – имя существительное **биреу** со значением «чужой, посторонний человек». Однако в этом значении в загадках не употребляется.

Другой особенностью количественных числительных, употребляемых в загадках, является то, что в результате присоединения аффикса **-еу** образуется собирательное числительное: **эки + еу = экеу** «два человека». В производной основе **экеу** на стыке корневой и аффиксальной морфем происходит выпадение корневой гласной **и**. Производная основа **экеу** получает дальнейшее морфологическое развитие в результате присоединения к ней аффикса собирательных числительных **-лен**: **экеулен** (собирательное числительное) «два человека»: **Экеулен таудан келе, бешеулен аллына келе** (Ашагъан) «Двое с гор спускаются, пятеро навстречу идут (Кушающий человек)». В этой тематической загадке употребляются два собирательных числительных: **экеулен** «два человека» и **бешеулен** «пятеро». Синтаксической особенностью этих числительных является то, что они оба расположены в разных частях загадки, в одной части не употребляются. Собирательные числительные зафиксированы и в другой загадке, в структурном отношении состоящей из трех простых предложений: **Экеулен къарайды, экеулен тынгылайды, биреулен айтады** (Кёзле, къулакъла, аууз) «Двое смотрят, двое слушают, один говорит (Глаза, уши, рот)». Если с точки зрения теоретической интерпретации, как в загадках, так и простых и сложных предложениях собирательное числительное **биреулен** употребляется как неопределенное местоимение со значением «кто-то, некто», то в данной

загадке оно употребляется как собирательное числительное со значением «один».

Морфологической особенностью количественных числительных, отмеченных в загадках в исходном падеже, является то, что они употребляются попарно, т.е. участвуют в процессах полной редупликации, когда форма усиления качества достигается за счет полного повтора редуплицируемой основы: **Беиден-беиден белин буугъан, кеси къара агъачдан туугъан** (Чыккыр бла къуршоулары) «Обтянувшие пояс по пять, рожденный из черного дерева (Бочка и обручи)».

В карачаево-балкарских загадках употребляются и порядковые числительные, указывающие на порядок предметов при счете, образованные от количественных числительных с помощью морфологических показателей: **-ынчы/-инчи**: **Алтынчы бармакъчыгъым мерекенден тояды, аллымдагъы дефтерде жолун-ызын къояды** (Авторучка) «Шестой палец пропитывается чернилами, передо мной в тетради дорожку след оставляет (Авторучка)».

В некоторых тематических загадках порядковые числительные перечисляются как однородные члены предложения, употребляясь в сочетании со сказуемыми: **Биринчиси къяяды, экинчиси жутады, ючюнчюсю чыгъады, тёртюнчюсю жыяды** (Жауун, жер, кырдык, адам) «Первый поливает, второй поглощает, третий прорастает, четвертый собирает (Дождь, земля, трава, человек)».

Порядковые числительные в загадках по своим морфологическим особенностям близки к прилагательным и выполняют их функции, приобретая все грамматические категории, свойственные этой части речи: **Биринчиси къяяды, экинчиси жутады, ючюнчюсю чыгъады, тёртюнчюсю жыяды** (Жауун, жер, кырдык, адам) «Первый поливает, второй поглощает, третий прорастает, четвертый собирает (Дождь, земля, трава, человек)».

В карачаево-балкарском языке порядковые числительные в целом, субстантивируясь, приобретают все грамматические признаки, характерные для имени существительного. Однако в загадках таких примеров не встречается.

Количественные числительные сложной структуры, употребляющиеся в исходном падеже, по своей природе близки к наречиям и выполняют их функции, обозначая категориальные особенности времени: **Эм аллында – оракъ, онбешинде – толу акъ, отузунда ёлор, отуз бирде келир** (Ай) «В самом начале – серп, пятнадцатого – полный, белый, тридцатого погибает, тридцать первого наступает (Месяц)».

Если рассматривать другой аспект анализа – изучение стиля, то для него, образующего, наряду со структурным и функциональным уровнем, самостоятельный фольклорный уровень, характерен целый ряд поэтических средств; некоторые из них архаичны для карачаево-балкарского языка, например, такие как бессоюзие и эллипсис.

В карачаево-балкарских загадках, имеющих простую структуру, часто встречаются эллиптические сочетания с числительным компонентом: **Бир аягъы узун, бир аягъы къысха (Сагъат)** «Одна нога длинная, другая – короткая (Часы)». В этих типичных эллиптических выражениях глагол отсутствует, но легко восстанавливается. Если анализировать таблицу, показывающую структуру загадки, то видно, что она состоит из терминов явных и скрытых, из посылок постоянной и переменной, образной части.

Явный термин составляет ядро образной части загадки и выражает метафорическое значение: *аягъы* «нога».

Постоянная посылка имеет связь как с означающим (явным термином), так и с означаемым.

В скрытой переменной посылке как элементе, явно не выраженном, отгадывающему сообщаются количественные параметры предмета (**бир аягъы** «одна нога»), подсказывающие ответ.

Переменные послылки, куда входят числительные, представляющиеся наиболее значимыми элементами структуры, являются «ключами» к отгадке. В результате метонимических соединений между означающим и означаемым появляется новая метафора, связанная с исходной: **Минг юйге бир къарауул (Балчы)** «У тысячи домов один сторож (Пчеловод)». Здесь по методу аналогии сторож сравнивается с пчеловодом. Семантические трансформации базисной загадки раскрывают возможности исходной метафоры.

В карачаево-балкарском языке встречается ряд трансформаций о жизненном цикле дерева: в одной загадке перечисляются составные части дерева с помощью количественных числительных: **Бир терекде – эки бутакъ, эки бутакъда – бешишер бутакъ (Билекле, бармакъла)** «На одном дереве по две ветви, на каждой ветви по пять веток (Руки, пальцы)». Наряду с количественными числительными в этой загадке употребляется и разделительное числительное **бешишер** «по пять», выражающее разную долю. Оно образовалось от количественного числительного **беш** «пять» с помощью прибавления аффикса **-ишер** к основе, оканчивающейся на согласный. Важной словообразова-

тельной особенностью числительного **беш** «пять» является то, что аффикс разделительности прибавляется к нему независимо от его позиции в контексте. Разделительное числительное **бешишер** «по пять» в данной загадке предшествует именной основе бутакъ «ветка». Числительное в этом случае является определяющим. Разделительное числительное **бешишер** «по пять» как при самостоятельном употреблении, так и контекстуальном не подвергается морфологическим изменениям, т.е. не принимает аффиксов числа и принадлежности. Значение разделительных числительных в загадках может передаваться и присоединением к количественному числительному аффиксов исходного падежа **-дан/-ден**: **Бешден-бешден белин буугъан, кеси къара агъачдан туугъан (Чыккыр бла къуршоулары)** «Обтянувшие пояс по пять, рожденный из черного дерева (Бочка и обручи)».

Как указывает Н.К. Дмитриев, семантически эта морфологическая группа числительных «...использует идею абстрактных чисел для разбивки предметов по однородным группам» [4, 95]. Разделительные числительные, если они образованы от количественных первого десятка, часто употребляются в повторном виде, усиливая разделительный счет, как это известно и в других тюркских языках: **бешишер-бешишер** «по пять», **бешден-бешден** «по пять».

В карачаево-балкарском языке в значении разделительных могут употребляться числительные, собственно имеющие особое значение. К их числу относятся числительные с аффиксом **-лан/-лен**, которые собственно выражают результат приблизительного счета: **бешлен** «примерно впятером» («человек пять»).

Разделительные числительные в карачаево-балкарском языке могут быть образованы и путем повторения количественных числительных. Между двумя видами сочетаний разделительных числительных наблюдается и семантическая дифференциация: если повторение одного и того же числа (**бешишер-бешишер** «по пять») обозначает равномерное разделение, то повторение смежных или различных чисел (**ючишер-тёртюшер** «по три – по четыре») содержит оттенок приблизительности, т.е. обозначает разделение предметов по группам, состоящим из неравного, неопределенного количества чисел.

В карачаево-балкарском языке от количественного числительного **бир** «один» с помощью аффикса **-ем** образуется разделительное числительное **бирем** с семантическим оттенком последовательности. Оно

употребляется только в двояком виде: *бирем-бирем* «по одному».

Б.А. Мусуков отмечает, что в карачаево-балкарском языке количественные числительные с помощью деноминативного аффикса *-ла//ле* участвуют в образовании глаголов с количественным значением: *жюз* «сто» – *жюзле* «увеличить в сто раз, повторять сто раз»; *минг* «тысяча» – *мингле* «увеличить в тысячу раз, повторять тысячу раз» [6: 63]; *эки* «два» – *экиле* «увеличивать вдвое, в два раза больше положенного» [6: 67].

По мнению Б.А. Мусукова, в словообразовательных процессах глагола с помощью аффикса *-ла//ле* участвуют и неопределенно-количественные слова со значением неопределенного множества, близкие к числительным по способам сочетания с существительными и наречиями: *кереле* «умножать, увеличивать», *кере* «однажды, единожды, однократно»; *кёпле* «умножать, увеличивать» [6: 63].

Слово *кере* в сочетании с числительными *бир* «один» и *биринчи* «первый» указывает на однократность какого-либо действия или на то, что оно выполняется впервые: *адамгъа жашлыкъ бир кере бериледи* «молодость человеку дается один раз»; *ол юйге биринчи кере келеди* «он приходит домой в первый раз».

В сочетании с другими количественными и порядковыми числительными, а также неопределенно-количественными словами указывает на повторяемость действия: *ала он кере кёп болуп чыкъдыла* «их вышло в десять раз больше»; *ала таллай кере юйге келди* «они пришли домой несколько раз».

В сочетании с количественными числительными (часто при словах *аз* «мало», *кёп* «много») указывает на степень увеличения или уменьшения чего-либо: *кьоранчла эки кере аз болгъандыла* «расходов стало вдвое меньше»; *кондитер ашарыкъла бир бла жарым кере кёп чыгъарыллыкъдыла* «кондитерские изделия будут выпускаться в полтора раза больше».

В предложении разделительное числительное выступает обычно в функции определения и обстоятельства.

Если в некоторых тюркских языках разделительные числительные субстантивируются и принимают падежные окончания и могут выступать в качестве дополнения, иногда и подлежащего, скажем, как в татарском языке, то в карачаево-балкарском они не субстантивируются и не принимают падежных окончаний и не выступают в функции дополнения и подлежащего. При трансформационном повторе разделительных

числительных вторые числа могут функционировать в исходном падеже. С другой стороны, они по своей синтаксической особенности не отличаются от подобных числительных в именительном падеже: *ючюшер* – *ючюшерден* «по три», *юч* – *ючден* «по три», *бешишер* – *бешишерден* «по пять», *беш* – *бешден* «по пять». Употребление разделительных числительных попарно можно рассматривать как полную редупликацию, при которой усиливается значение опорного слова.

Трансформационной особенностью количественных числительных является то, что они также участвуют в карачаево-балкарских загадках в процессах полной редупликации, например: *Биз – биз биз эдик, бирер ариу къыз эдик, бир агъачха тизилдик, бир-бир болуп юзюлдюк* (Нартюх тизиу) «Мы – мы – это мы, мы были по одной красивой девушке, выстроились на одном стволе, оторвались, разделившись по одному (Кукурузное построение)». Форма усиления количественного значения достигается за счет того, что числа бир-бир употребляются в именительном падеже дважды. Форма усиления количества достигается и за счет употребления препозиционного компонента в именительном падеже, а постпозиционного – в исходном. Однако в этом случае, по мнению М.Т. Жабоева, повторное употребление количественного числительного рассматривается как разделительное числительное [1, 172]. В карачаево-балкарских загадках встречается небольшая группа слов из разряда неопределенно-количественных числительных со значением неопределенного количества (большого или малого): *битеу* «весь, целиком», *ёмюр* «век, столетие», *аз* «мало»: *Бир къашыкъ сары жауум барды да, битеу дунягъа бояу болады* (Кюн) «Есть у меня одна ложка сливочного масла, для всего мира оно становится краской (Солнце)»; *Бир анада – минг бала, бары юсюне тагъылып. Аяз урса, шыбырдайла бары анга тарыгъып* (Чапракъла) «У одной матери – тысяча детей, все они на ней висят. Если ветерок подует, все они шлепнутся, жалуюсь матери (Листья)»; *Ёмюрю жерде жашайды, кёкню уа кёралмайды* (Тонгуз) «Век живет на земле, а небо не видит (Свинья)»; *Аз жетди деп киши ёпкелемген* (Акъыл) «Никто не обижается из-за того, что досталось мало (Ум)».

Неопределенно-количественные числительные, содержащие значение неопределенности, отличаются семантически от числительных, которые являются конкретными количественными определителями существительных.

Неопределенно-количественные слова битеу «весь, целиком», бары «весь, целиком», ёмюр «век, столетие», аз «мало» характеризуются специфическим функционированием и выявляют формы, не свойственные числительным. В отличие от точных количественных числительных, часть отмеченных слов может сочетаться как количественные определения с отвлеченными и предметными существительными: *битеу дунягъа «на весь мир», ёмюрю жерде «век на земле»; с личными местоимениями: бары анга «все ей»; с глаголами: аз жетди «мало досталось».*

По семантическим и грамматическим особенностям неопределенно-количественные слова сближаются с определенными местоимениями: *битеу «весь, целиком», бары «весь, целиком», с наречием аз «мало» и с существительным ёмюр «век, столетие».*

Неопределенно-количественные слова близки к числительным по способам сочетания с существительными, с личными местоимениями и глаголами. Однако обобщенно-местоименная семантика (указание на число, а не обозначение числа) слов *битеу «весь, целиком», бары «весь, целиком»* способствует отнесению этих слов к определенным местоимениям. Обобщенно-наречная семантика (указание на число, а не обозначение числа) слова аз «мало» способствует отнесению этих слов к наречиям.

Неопределенно-количественное значение в карачаево-балкарских загадках выражается еще и сочетанием двух компонентов: имени существительного в препозиции и имени прилагательного в постпозиции, создающих изафетную конструкцию: *Къолу жокъду, аягъы жокъду, хар кюнде, хар юйде кюн узуну тепсейди (Сибиртки) «Руки нет, ноги нет, каждый день в каждом доме целый день танцует (Веник)».*

В карачаево-балкарских загадках часто употребляется количественное числительное *бир «один»* в сочетании с существительными, обозначающими форму принадлежности: *бир жамчым барды да... «есть у меня одна бурка»; бир къызым барды да... «есть у меня одна дочь»; бир ёгюзюм барды да... «есть у меня один вол»; бир затым барды да... «есть у меня одна вещь»; бир бугъам барды да... «есть у меня один бык».* В некоторых загадках в сочетании с существительными, обозначающими форму принадлежности, употребляется количественное числительное *эки «два»*: *эки итим барды да... «есть у меня две собаки».*

Ж.М. Гузеев и М.З. Улаков отмечают, что исследуемое числительное *бир «один»* является компонентом большого количе-

ства фразеологизмов, пословиц и поговорок, сложных слов [2, 210].

Различные разряды числительных в карачаево-балкарских загадках участвуют в создании метафорически-символического образа окружающей действительности, способствуют раскрытию семантических оттенков загадываемой образной части, создают полноту значений раскрываемых компонентов. В основе производных форм числительных лежат количественные числительные, представляющие наибольшую трудность для толкования. В карачаево-балкарских загадках внимание фокусируется на гиперболизированных образах с числительными, указывающими на множественность денотата и на его пространственное нахождение. С помощью количественных и других числительных, сочетающихся с ключевой метафорой, отмечается пересечение реальных предметов быта карачаевцев и балкарцев с образами устного народного творчества. В загадках приводятся числительные, соотносимые с реальностью. Многие числительные в загадках – это не только точное количество предметов, а гиперболизированный образ. Метафорические образы рисуют довольно странную картину, практически невозможную в действительности. Кроме того, употребляются загадочные тексты, в которых имя числительное не фигурирует, но присутствует значение бесчисленного множества *кён «много».*

В загадках о флоре люди выступают постоянной метафорой. Образ шумной толпы связан с праздником летнего солнцестояния. В архаичных мифопоэтических традициях карачаевцев и балкарцев, помимо цифрового содержания, числовой код имеет магические, сакральные свойства. С помощью загадочного текста при необходимости «репродуцировались структура космоса и правила ориентации в нем человека [7, 3–58].

У тюркских народов основными числами, выявляющими священные и магические значения, выступают числа *бир «один», эки «два», юч «три», тёрт «четыре».*

Имена числительные чаще всего употребляются в загадках о домашнем имуществе, о фруктах и овощах, о труде, о вселенной. Частотность их употребления зависит от опыта человека и его знаний. Числовой код, явно указывая на отгадку, означает не только точное количество предметов или их частей, но и обозначает общее понятие множественности денотата. При описании и раскрытии многосоставного денотата в загадках может присутствовать гиперболизированное значение неопределенного

множества даже без употребления имен числительных. В карачаево-балкарских загадках часто встречаются сакральные числа – своеобразные символы, восходящие к древнейшим мировоззренческим понятиям тюрков, связанные со способами и терминами определения стран света. Среди них выделяются числительные, субъективированные или функционирующие в качестве внутритекстовой аллитерации, не выявляющие символического значения. В карачаево-балкарских загадках наиболее частотными сакральными числительными являются *бир* «один», *эки* «два», *жюз* «сто», *минг* «тысяча».

Таким образом, употребление различных разрядов числительных в загадках указывает не только на количество, порядок, на значение собирательности, разделительности денотата, но и передает мифологические воззрения, национальную традицию, культуру карачаевцев и балкарцев в целом, содействуя созданию необыкновенно выразительных образов, наделенных глубочайшим смыслом.

Список литературы

1. Грамматика карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1976.
2. Гузеев Ж.М., Улаков М.З. Семантика числительного бир «один» (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2010. – № 3 (59). – С. 209–213.
3. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. – Л., 1967.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948.
5. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. – М., 1978.

6. Мусуков Б.А. Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 2009.

7. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. – М.: Наука, 1980.

8. Элли Кёнгэс-Маранда Логика загадки // Паремнологический сборник. – М., 1978.

9. Алийланы С. Къарачай халкъны эл берген джомаклары. – Черкесск, 1984.

References

1. Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka. Nalchik, 1976.
2. Guzeev Zh.M., Ulakov M.Z. Semantika chislitel'nogo bir «odin» (na materiale karachaevo-balkarskogo yazyka) // Izvestiya KBNTs RAN Nalchik, 2010. no. 3 (59). pp. 209–213.
3. Gusev V.Ye. Estetika folklor. L., 1967.
4. Dmitriev N.K. Grammatika bashkirskogo yazyka. M.-L., 1948.
5. Levin Yu.I. Semanticheskaya struktura zagadki // Paremiologicheskij sbornik. M., 1978.
6. Musukov B.A. Morfologicheskaya derivatsiya glagolov v karachaevo-balkarskom yazyke. Nalchik, 2009.
7. Toporov V.N. O chislovykh modelyakh v arkhainykh tekstakh // Struktura teksta. M.: Nauka 1980.
8. Elli Kenges-Maranda Logika zagadki // Paremiologicheskij sbornik. M., 1978.
9. Aliylany S. Karachay khalkny el bergen dzhomaklary. Cherkessk, 1984.

Рецензенты:

Аликаев Р.С., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой немецкого языка, ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик;

Кетенчиев М.Б., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой балкарского языка, ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик.